
Шарлотта Эйзинберг
Травница
из XXI века

Шарлотта Эйзинберг

Травница из 21-го века

«Автор»
2026

Эйзинберг Ш.

Травница из 21-го века / Ш. Эйзинберг — «Автор», 2026

Судьба закинула меня, заслуженного врача в другой мир, где я очнулась на полу бревенчатой избы, с дикой головной болью и двумя детьми, которые называют меня мамой. Здесь нет больниц, нет аптек, нет даже нормального мыла. Есть только печь, которую я не умею топить, скудные запасы и люди, верящие в заговоры и зелья от болезней.Но я не сдамся. Мои знания — вот мой главный козырь. Я буду лечить отварами из местных трав, готовить настойки и находить аналоги современных лекарств в этом примитивном мире. Меня вырвали из моего времени, но не лишили самого ценного — умения лечить и спасать. И этот мир еще узнает, на что способна, Дарья Михайловна Шольц, оказавшаяся не в том месте и не в то время.А вы, дорогой Лорд, почему мне грубите? Или вам подсыпать слабительной травки в чай, чтобы вы не забывались?

© Эйзинберг Ш., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Шарлотта Эйзинберг
Травница из 21-го века

Глава 1

Кутаюсь сильнее в тёплый пуховик и прячу нос в шерстяной шарф. Ногами перебираю, чтобы хотя бы немного согреться, пока жду автобус на остановке.

Телефон в джинсах издаёт жалобный писк. Дрожащей от холода рукой достаю его и читаю сообщение от своей пациентки:

" Дарья Михайловна, доброе утро. Что-то сегодня у нашей Анечки голос совсем пропал. Что посоветуете. Может на антибиотики переведём?"

Выглядываю из-за угла остановки не идёт ли мой автобус. Бросаю взгляд на наручные часы. Без пятнадцать девять утра. Вот же чёрт, сегодня точно опоздаю. Из-за проливного дождя второй день в городе пробки, автобусы ходят с опозданием. Короче полнейший коллапс. А меня дети в поликлинике ждут, да и заведующая выговор сделает если опять на смену опоздаю.

Быстро набираю ответное сообщение пациентке:

"Ольга Николаевна, доброе утро! Антибиотики в вашем случае — это крайняя мера. Сейчас пришлю вам дополнительный список лекарств. В течение трёх дней придерживаемся плана лечения, который я вам прописала ранее и смотрим на динамику. Если через три дня не будет улучшений приходим ко мне на приём"

Отправляю сообщение вместе со списком дополнительных лекарств и бросаю телефон в карман.

Устало смотрю на часы, затем на дорогу, опять на часы и опять на дорогу. Вздыхаю, делать нечего придётся идти пешком. Да, до поликлиники быстрым шагом минимум двадцать минут, но это будет быстрее чем на автобусе.

Посильнее затягиваю капюшон и перехожу дорогу, погруженная в мысли о пациентах.

Вдруг слышу оглушительный крик и визг тормозов, замираю от испуга и оборачиваюсь в сторону шума. Меня ослепляет свет фар, а дальше я проваливаюсь в тёмный коридор. Лечу с бешеной скоростью куда-то в пропасть.

....

— Мамочка, — слышу детский голосок. — Мамочка, что случилось?

Ощущаю как моего лица касаются тёплые маленькие ручки и от этого мигом просыпаюсь.

Возле меня стоит малыш лет пяти в хлопковом потрёпанном жизнью комбинезоне поверх льняное сорочки. У мальчишки большие испуганные голубые глаза и маленький носик пуговкой.

Потираю глаза пытаясь, понять кто этот мальчик и почему у меня так дико болит голова.

— Уф, — привстаю с пола, и опершись спиной о стену испуганно оглядываюсь.

Я и этот мальчуган находимся в небольшом, но крепком срубе. Мой взгляд скользит по окружению, а мозг врача автоматически сканирует детали. Воздух плотный, пахнет дымом, сушёными травами и воском. Спиной я чувствую шершавые, прохладные брёвна стены, а под ладонью на полу — гладкие, плотно подогнанные половицы, потертые до мягкого блеска.

Прямо передо мной, в центре комнаты, стоит основательная кирпичная печь. На ухвате у печи висит чугунок, а на полке устроились глиняные крынки и деревянные ложки.

Свет в хижину проникает через одно затянутое бычьим пузырем окошко, он золотистым пятном ложится на массивный стол. Стол сбит из толстых досок, его поверхность исчерчена зарубками и потерта до гладкости. Над столом на полке стоят берестяные туеса и деревянная солонка.

Вдоль стен расположены лавки, а в дальнем углу — широкая деревянная кровать. Она застелена домотканым половиком, в изголовье лежит пуховая подушка в грубой наволочке. На стене висит пучок лука и связка сушеных листьев неизвестного происхождения.

Хижина достаточно простенькая, скромненькая, но можно сказать уютная, но главное сейчас вообще не это. А то, что я здесь делаю?!

Глава 2

— Мамочка, ты ушиблась? — малыш настойчиво продолжает называет меня его матерью, а у меня вместе с головной болью ещё и появляется головокружение от всего происходящего.

Я медленно опускаю взгляд на свои руки и ужасаюсь...

Что за!

Это не мои руки.

У меня аккуратные пальчики, с маникюром, а сейчас передо мной руки в мозолях и не очень аккуратно подстриженными ногтями. Да и сама ногтевая пластина квадратная, вытянутая, у меня же всегда была миндальная.

— Жесть, — выдыхаю и рукой устало тру переносицу.

Это галлюцинации? Я, наверное, упала, пока переходила дорогу и сейчас лежу в отключке в больнице, а это всё весьма реалистичный сон.

— Мамочка? — маленькие пальчики берут мою руку и прижимают к себе.

— Малыш, я не... — осекаюсь, увидев наполненные слезами голубые глаза мальчишки. —А что, собственно, случилось?

— Ты мыла пол, — мальчик указывает на грязную тряпку, валяющуюся неподалёку от нас. — Поскользнулась и бах...

Он поднимает ручки изображая падение.

Всё ясно, видимо барышня из этого мира упала одновременно со мной. Затем произошёл щелчок во вселенной, и мы обменялись телами.

Хм... А интересный сон.

— Все хорошо, малыш, твоя мама в порядке, — упираясь о стену встаю с пола и потираю виски.

Так, с этой болью нужно что-то делать. В первую очередь — осмотреть «поле боя». Осторожно, кончиками пальцев, проминаю кожу головы под густыми, непослушными волосами. Да, вот он — болезненный, начинающий наливаться кровью бугорок на затылке. Банальная гематома. Значит, нужен холод, чтобы снять отёк и сузить сосуды.

— Сынок, — обращаюсь к мальчику. — А есть ли у нас дома холодная вода?

— В колодце? — мальчик удивлённо вскидывает брови. — Или из кадки?

Оборачиваюсь в сторону, куда указал мой «сынок» и замечаю небольшое корыто, наполненное водой. Подхожу и опускаю руку. Идеально. Достаточно прохладная.

Оборачиваюсь и осматриваю помещение в поисках какой-нибудь тряпки.

— Малыш, а не подскажешь, есть ли у нас здесь лоскут ненужной ткани?

Мальчик молча указывает в противоположный угол на небольшую горку каких-то тряпок. Хватаю одну из них, окунаю в прохладную водичку, отжимаю лишнее и прикладываю к шишке на затылке. Резкий, приятный холод на секунду перебивает тупую пульсацию.

Далее, прикусив губу, осматриваюсь в поисках чего-то, что могло бы облегчить саму головную боль. Мой взгляд падает на связку сушёных трав, висящую на гвозде у печи. Подхожу ближе, осторожно трогаю листья, нюхаю. Петрушка... что-то пряное, похожее на чабрец... а вот это... базилик? Ничего из этого не поможет мне снять боль. Нужна кора ивы, ромашка, мята... что-то такое, что содержит салицилаты или хотя бы обладает спазмолитическим действием.

— А как тебя зовут, малыш? — обращаюсь к сынишке.

— Филипп, — отвечает он.

— Так, Филиппушка, маме нужно на минуточку выйти на улицу. Подожди тут, хорошо?

Он кивает, и я, всё ещё прижимая холодный компресс к голове, выхожу за дверь.

Снаружи достаточно свежо, пахнет влажной землёй и дождём. Изба стоит на окраине деревни, тропинка ведёт к лесу. Иду вдоль забора, вглядываясь в каждую травинку. Подорож-

ник, одуванчик, крапива... ничего стоящего. А боль возвращается, накатывая новой волной. Уже почти отчаиваюсь, как вдруг возле частокола, в тени, замечаю неприметные стебельки с характерными резными листочками. Наклоняюсь, протираю пальцем листок... Да, точно. Это пижма. Не лучший выбор, токсична при передозировке, но её отвар как раз используют при головных болях и мигренях. Срываю несколько соцветий, заодно нахожу пару кустиков мяты — её сложно не узнать по запаху. Уже что-то.

Возвращаюсь в избу. Филиппка сидит на лавке и послушно ждёт.

— Сейчас мама волшебный отвар приготовит, и у неё голова болеть перестанет, — говорю, пытаясь звучать бодро, чтобы не пугать ребёнка.

Достаю из-за печки небольшой, почерневший от копоти маленький глиняный горшок, наливаю воды из кадки и с помощью сынишки подвешиваю его на ухват над тлеющими углями. Пока вода греется, мелко рву пижму и мяту пальцами. Без весов приходится работать на глаз, строго по памяти: пижмы — щепотку, совсем немного, мяты — побольше, для вкуса и смягчения действия. Заливаю травы горячей водой и оставляю настаиваться.

Спустя пятнадцать минут сажусь на лавку и пью тёплый, горьковатый, но с приятным мятным послевкусием отвар, ощущая как пульсирующая боль понемногу отступает, превращаясь в терпимый фоновый шум. Филипп пристроился рядом и внимательно следит за мной.

Вдруг дверь с треском распахивается, и на пороге появляется девочка лет семи-восьми. Русые волосы растрёпаны, простое деревенское платье забрызгано водой, а по её руке с ладони до локтя течёт струйка крови.

— Мам! — всхлипывает она. — Я упала с коряги у речки...

Так у меня ещё и дочь есть?! А где муж?

Адреналин резко прогоняет последние остатки моей собственной слабости. Вскакиваю.

— Так, иди сюда, быстро!

Сажаю её на табурет около стола. Осмотр подтверждает: резаная рана предплечья, неглубокая, но длинная, загрязнена землёй и, вероятно, речной водой. Классический случай для инфекции. В моей бывшей жизни — промывание хлоргексидином, возможно, пару швов и антибиотик для профилактики. Здесь... будем импровизировать.

— Филипп, принеси чистой воды и тот лоскут, который я прикладывала к голове! — командую я, а сама снова лезу к своим сокровищам на стене. Петрушка и базилик мне не помощники, а вот... да! Та самая связка с серовато-зелёными листьями, что я приняла за чабрец, при ближайшем рассмотрении оказывается тысячелистником. Идеально! Он и кровоостанавливающий, и противовоспалительный. Рву несколько стеблей, растираю их между ладонями в грубую кашицу.

Дочь смотрит на мои действия с широко раскрытыми глазами, забыв даже плакать. Филиппка замер рядом с миской с водой, вцепившись в тряпку.

Аккуратно, водой из миски, промываю рану, смывая грязь и запёкшуюся кровь. Девочка вздрагивает, но молчит. Затем накладываю на порез растёртый тысячелистник, а сверху, в качестве примитивной повязки, заматываю руку чистым лоскутом.

— Вот и всё, — выдыхаю я, отступая на шаг. — Теперь не мочи и не снимай, пока сама не скажу. Поняла?

Девочка смотрит то на свою забинтованную руку, то на меня, а на её лице расцветает медленное, почтительное изумление.

— Мам... а как ты так быстро? И не щиплет совсем... Раньше ты долго-долго шептала над раной, а кровь долго не останавливалась...

Сынишка согласно кивает, его голубые глаза тоже округлились от восхищения.

Смотрю на них и чувствую, как в груди что-то сжимается. Это не восторг. Это страх и тяжесть ответственности. Они видят чудо, а я — лишь первую помощь в полевых условиях.

Но в их мире мои простейшие медицинские знания и правда смотрятся магией. И от этого становится одновременно и жутко, и безумно интересно.

Глава 3

Голова уже не болит так сильно, отвар сделал своё дело. Но на смену боли приходит другое, не менее настойчивое чувство — в животе предательски сосёт и урчит. Я не ела... а когда я ела в последний раз? В той жизни, на бегу, бутерброд перед выходом из дома. А здесь...

— Ребята, а вы голодны? — спрашиваю я, глядя на «своих» детей.

Они переглядываются, а потом оба дружно и немного виновато кивают.

— Очень, мамочка, — говорит Филипп.

Встаю и подхожу к грубому деревянному столу. На нём стоит глиняный горшок. Заглядываю внутрь — на дне осталось немного тёмного, застывшего рагу, от которого исходит терпкий, слегка неприятный запах старого жира и не первой свежести трав. Внутренности врача сжимаются. Этим кормить детей?

Неосознанно, сквозь стресс и голод, в голове всплывает образ — тарелка дымящихся, мягких вареников с картошкой и луком, с золотистыми поджаренными луковыми колечками сверху и толстым куском холодного масла, медленно тающего от жара. Простая, сытная еда моего детства.

— Эх, вареников бы сейчас с картошкой... — вздыхаю я вслух, больше сама для себя.

В домике воцаряется тишина. Оборачиваюсь. Двое пар детских глаз смотрят на меня с полным недоумением.

— Мамочка, а что такое «вареники»? — наконец осмеливается спросить Филипп.

Сначала я замираю, а потом начинаю смеяться. Тихим, немного истеричным смехом. Господи, значит, здесь нет такого блюда. Ну что ж... Буду первой, кто его приготовит.

— Сейчас узнаете, — отвечаю, деловито поставив руки в боки. — Но для начала печь истопим. Филипп, дров не подкинешь?

Мальчик кивает и пулей вылетает в сени, возвращаясь с охапкой мелких полешек. Печь, к счастью, ещё тёплая, угли тлеют. Я помню принцип — нужно подкладывать мелкие щепки, чтобы разгорелось. Но как это делается на практике? В быту я пользовалась газовой плитой или, на худой конец, электроплиткой. Кладу пару щепок в жерло — они шипят, но не вспыхивают.

— Мама, дуй вот тут, — дочка подходит и указывает на небольшое отверстие внизу печи, поддувало.

Кладу ещё щепу, нагибаюсь, пытаюсь дуть. Дым бьёт в глаза, я отскакиваю, кашляя. Филипп смотрит на меня с удивлением, а потом, не говоря ни слова, ловко подкладывает лучину, раздувает её с помощью длинной трубки из бересты и через минуту в печи уже весело потрескивает огонь. Я чувствую себя полной неумёхой.

— Спасибо, сынок, — говорю я, чувствуя, как краснею. — Теперь нужно вскипятить воду.

Вижу на печи чугунок, висящий на длинном чёрном крюке-ухвате. Беру ухват — тяжеленный! — и пытаясь сымитировать движения, что видела в исторических фильмах, подцепляю чугунок. Он поддается с неохотным скрежетом. Теперь нужно его снять и налить воды. Делаю неловкое движение, и чугунок больно бьёт меня по колену. Я шиплю от боли, едва не роняя его.

Дочка подносит мне деревянное ведёрко и помогает налить из кадки воду в чугунок. Вернуть тяжёлую посудину на место оказывается ещё сложнее. Я не попадаю крюком в ручку, чугунок висит криво, вода из него расплёскивается и шипит на углях. В итоге с третьей попытки, с помощью Филиппа, который поддерживает ухват, мы водружаем его на место.

Пока вода греется, начинаю готовить. В заплесневелом мешке в сенях нахожу картофель — мелкий, неказистый. В плетёной корзинке, подвешенной к потолку (чтобы мыши не добра-

лись) — одна-единственная луковица. С мукой проще — в большом берестяном туесе её прилично. С маслом беда — только небольшой глиняный горшочек с чем-то белым и солёным, напоминающим смалец.

Чистка картошки становится отдельным квестом. Вместо удобной овощечистки — короткий, не очень острый нож. Я сдираю кожуру вместе с половинкой клубня, пальцы быстро устают. Дочка, видя мои мучения, молча садится рядом с корытцем и ловко, привычными движениями, начинает очищать картошку. Я с облегчением передаю ей это занятие.

— Ребята, а где вы... где мы обычно продукты берём? — осторожно спрашиваю я, замешивая тесто на муке, воде и щепотке соли. Мука летит во все стороны, тесто сначала липнет к рукам, потом к столу. Ни тебе скалки, ни силиконового коврика.

— На рынке иногда, — отвечает Лиса, не отрываясь от картошки. — И в огороде. Но в этом году дождей мало было, всё плохо родилось...

Затем она как-то недоверчиво смотрит на меня и, отложив картошку, подходит ко мне ближе и тихо, так, чтобы Филипп не услышал, говорит:

— Мама... с тобой всё хорошо? Ты какая-то... другая. И печь сегодня не смогла растопить.

Я опускаю липкие от теста руки и смотрю на неё. В её глазах не страх, а тревога. Искренняя, детская забота.

— Милая, как тебя зовут? — спрашиваю растеряно.

— Лисса! — быстро говорит, удивлённо округляя глаза.

— Лисса, — повторяю за ней. — Я сегодня сильно ударилась головой. И... я могу иногда говорить или делать странные вещи. Но я твоя мама, и со мной всё будет хорошо. Обещаю. Просто память немного подводит. Ты поможешь мне?

Девочка смотрит на меня несколько секунд, а потом её лицо озаряется облегчённой улыбкой. Она кивает.

— Помогу!

Наконец, картошка сварена. Воду с неё я, по привычке, хочу слить в раковину... которой тут нет. Приходится аккуратно вылавливать вареники деревянной ложкой и складывать в миску. Разминаю её толкушкой — тяжелой деревянной колотушкой. Потом берусь за лук. Нужно его поджарить. Нахожу маленькую посудину напоминающую сковородку, кладу туда кусочек смальца. Ставлю её прямо на угли в печи. Смалец тает, я бросаю лук. И тут начинается ад. Деревянная лопаточка мгновенно чернеет от жара, лук прилипает к раскалённой посудине. Дым стоит коромыслом. Я мешаю лук, кашляю, глаза слезятся. В итоге вытаскиваю сковороду с полусырым, полуобгоревшим луком. Далеко не идеал, но сойдёт. Смешиваю его с картошкой, солю.

Пока тесто «отдыхает» под тряпкой, меня одолевают мрачные мысли. Денег, очевидно у этой семьи нет. Мысль тяжёлым камнем ложится на дно сознания. Эх, лучше бы я в тело какой-нибудь принцессы попала.

— Лисса, Филипп, а чем я... то есть, чем мама обычно зарабатывает? Где мы берём деньги на рынке?

Дети снова переглядываются.

— Ты варишь мыло, мамочка, — говорит Филипп. — Из золы и жира. Все у тебя его покупают!

Мыло! Вот оно что. Мой взгляд скользит по полкам, и я замечаю несколько сероватых, неприглядных брусков, пахнущих дымом и жиром. Примитивное, жёсткое зольное мыло. И в голове тут же всплывают знания из органической химии. Процесс можно усовершенствовать! Не просто смешивать жир и золу, а готовить правильный щёлок, выпаривать его, добавлять отвары трав для аромата и полезных свойств, использовать разные формы, чтобы мыло было не просто куском, а красивым товаром. Можно делать его более мягким, пенящимся... Целый простор для деятельности!

— Понятно, — говорю я, и на душе становится чуть легче. С этим мы справимся. — Спасибо, что подсказали.

А потом начинается магия. Я раскатываю тесто в тонкий пласт, стаканом (вернее, его деревянным аналогом) вырезаю кружки. Кладу на каждый картофельную начинку с луком и ловко защипываю края, получая аккуратные, похожие на полумесяцы, вареники. Дети следят, затаив дыхание.

— Мам, ты никогда не готовила такое блюдо, — шепчет Лисса. — И они такие красивые.

— Удар головой — страшная сила, — отшучиваюсь я, бросая первую партию вареников в кипящую подсоленную воду.

Когда я выкладываю их на деревянную плиту и сдабриваю тем самым луком со смальцем, воздух наполняется божественным ароматом. Дети не могут оторвать глаз. Мы садимся за стол, и тишину нарушает только довольное чавканье Филиппа.

— Вкусно? — спрашиваю я.

Они оба молча кивают, их рты заняты делом, а глаза сияют от восторга.

Вдруг в дверь настойчиво стучат.

— Нэнси! Нэнси, ты дома?

Я замираю. Кто такая Нэнси?

Через секунду шлёпаю себя ладонью по лбу, понимая, что видимо это моё новое имя.

— Да, дома! — кричу я, отодвигая тарелку и направляюсь к двери.

На пороге стоит женщина лет сорока, в простом платье и платке.

— Нэнси, прошу, помоги! Мой Хью совсем разболелся. Лежит, горит, бредит уже второй день... Прошу, подойди, пошепчи над ним заговор, помоги отогнать болезнь! Зелье из местной лавки лекарей совершенно не помогают.

Я смотрю на неё и понимаю. Они здесь верят не в отвары и антисептики. Они верят в заговоры и зелье. И сейчас от меня, заслуженного врача, ждут не постановки диагноза и грамотного плана лечения, а магии. Чтобы я, Дарья Михайловна Шольц читала заговоры?! Ха!

— Хорошо, — киваю. — Веди меня к своему больному. Решим проблему.

Глава 4

Следую за соседкой по узкой, утоптанной земляной тропинке. Наш с детьми домик, как выясняется, стоит на самом краю поселения, где-то между последними избами и начинающимся лесом. Само поселение...хм, я бы назвала его деревней, но женщина упомянула «город». Возможно, для их мира это и есть город. Он невелик. Впереди виднеются мощеные булыжником улочки и более основательные, каменные дома с черепичными крышами. А наш район, окраина, — это сплошное царство дерева: бревенчатые срубы, крытые соломой, из печных труб которых медленно поднимаются в прохладный воздух тонкие струйки дыма. Пахнет дымом, влажной древесиной и навозом.

Дом соседки такой же скромный, как и мой, ну может чуть побольше.

Входим внутрь. Воздух здесь спёртый, пахнет потом, болезнью и тлеющими в печи углями. Интерьер простой: те же лавки вдоль стен, массивный стол, большая печь. В дальнем углу, на широкой деревянной кровати, под грубым домотканым одеялом, лежит мужчина лет сорока, с осунувшимся, покрасневшим лицом. Он бредит, его губы шевелятся, издавая бессвязные звуки. Рядом на табурете стоит деревянная кружка с водой.

— Вот мой Хью, — срывающимся голосом говорит женщина, заламывая руки. — Уже второй день так... Сначала просто кашлял, а теперь и есть не может, и пить... Горит весь!

Подхожу ближе. Мой врачебный инстинкт подавляет растерянность. «Пошептать заговор» — это не вариант. Нужно понять, что с ним.

— Принеси, пожалуйста, ещё света.

Женщина, удивлённая моим спокойным тоном, торопливо зажигает ещё одну свечу и ставит её на лавку рядом с кроватью. Света теперь достаточно.

— Хью, — говорю я тихо, но чётко. — Хью, ты меня слышишь?

Мужчина бессмысленно смотрит в потолок. Я осторожно прикасаюсь тыльной стороной ладони к его лбу. Кожа сухая и горячая, как раскалённая печка. Температура под сорок, не меньше.

— Поднимись, мне нужно тебя посмотреть, — пробую усадить его, но он лишь слабо стонет.

— Он не встаёт с утра, — всхлипывает соседка.

Приходится осматривать его в лежачем положении. Прошу женщину подержать свечу ближе. Первое, что бросается в глаза — его губы. Они сухие, потрескавшиеся, в уголках рта — заеды. Аккуратно нажимаю на уголок его рта, чтобы заглянуть внутрь. Он слабо сопротивляется, издавая болезненный звук. Слизистая рта ярко-красная, воспалённая, на языке и внутренней поверхности щёк — белёсый налёт. Стоматит. Серьёзный.

— Когда он пытался пить, было больно? — спрашиваю я.

— Да! Плакал, бедный, как дитя малое, говорил, что всё горит внутри!

Дальше больше. Аккуратно наклоняю его голову набок. Шея напряжена. Лимфоузлы... Да, вот они, под челюстью — два огромных, болезненных шарика. Ангина. Острый тонзиллит, осложнённый стоматитом и тяжёлой лихорадкой.

— Ты не вызывала... лекаря? Настоящего врача? — спрашиваю я, уже зная ответ.

Женщина смотрит на меня с искренним изумлением, смешанным с горькой усмешкой.

— Каких лекарей, Нэнси? Те, что в городе, берут золотыми. У нас и на хлеб-то еле хватает... Я уже все свои сбережения отдала за это проклятое зелье, которое сделало только хуже, — она обречённо указывает рукой на небольшую зелёную бутылочку, одиноко стоящую на столе.

— Всё, я поняла, — говорю твёрдо. — Сейчас мы немного облегчим его состояние, а потом я приготовлю кое-что посильнее. У тебя есть куриные яйца?

— Яйца? — соседка моргает. — Да, есть, несколько штук.

— Отлично. Возьми одно, аккуратно отдели белок от желтка. Белок размешай в кружке с тёплой водой, чтобы получилась мутная водичка. Пусть Хью попробует сделать хотя бы пару глотков. Это поможет заживить язвочки во рту.

Соседка смотрит на меня как на сумасшедшую, но покорно отправляется выполнять указание.

Пока она возится с яйцом, я готовлю временное средство. Среди её запасов нахожу ромашку и кору дуба. Быстро кипячу воду в чайнике в печке.

Как только вода закипает я заливаю ею ромашку и кору в глиняном горшке.

— Это нужно будет остудить и полоскать им рот и горло как можно чаще. Поняла? Не глотать! Только полоскать.

Женщина смотрит на мои действия, широко раскрыв глаза. Она явно никогда такого не видела.

Для второго средства я просто наливаю холодную воду из кувшина в миску. Беру несколько тряпиц.

— А теперь помоги мне его раздеть до пояса.

— Что? — женщина в ужасе отшатывается. — Нэнси, он же замёрзнет.

— Нет, — терпеливо объясняю я. — Холодные обтирания и компрессы помогут сбить жар. Мы будем прикладывать прохладные тряпки туда, где большие сосуды проходят близко к коже — к шее, под мышки, на пах. Так температура будет уходить быстрее и безопаснее. Поверь мне.

Она колеблется, но в ее глазах я вижу искру надежды. Медленно, она помогает стащить с мужа пропотевшую рубаху.

Я окунаю один из лоскутов в прохладную воду, отжимаю и аккуратно кладу ему на лоб. Он стонет, но это стон облегчения. Два других влажных компресса я помещаю ему в подмышечные впадины, а еще один, свернутый плотной полосой, — на шею, оборачивая вокруг горла сзади. Его горячая кожа моментально начинает отдавать жар прохладной ткани.

— Теперь нужно постоянно менять эти тряпки, как только они станут теплыми, — говорю я соседке, которая завороженно следит за процессом. — Пои его прохладной водой, и раствором из яичного белка маленькими глотками.

— Нэнси, а заговор?

— Никаких заговоров, — отмахиваюсь. — Сейчас делай, то, что я сказала: полоскай ему рот и давай пить белковый раствор. А я быстро сбегаю домой и приготовлю дополнительное лекарство.

— Какое лекарство? — растерянно спрашивает она.

— Настойку. Она будет бороться с инфекцией внутри, а не просто снимать боль. Доверься мне.

Не дожидаясь ответа, я выскальзываю за дверь и быстрым шагом иду к своему дому. В голове уже готов рецепт.

Дома Филипп и Лисса смотрят на меня с вопросительными глазами, но я не могу сейчас объяснять, у нас мало времени. Нельзя допустить, чтобы болезнь дала осложнение, а в условиях этого мира рисков слишком много.

— Мама готовит лекарство, — говорю я и направляюсь к нашим скудным запасам.

Мне нужна основа. Крепкий алкоголь. В углу я нахожу глиняную бутылку с запахом спирта.

— Что это? — спрашиваю у детей.

— Это нам сосед дарил, сказал, что хлебное вино, — отвечает Лисса.

Идеально.

Теперь нужны травы с мощным антисептическим и противовоспалительным действием. То, что есть под рукой. Срываю с гвоздя пучок чабреца — его тимол является природным антисептиком. Нахожу немного шалфея — для горла он незаменим. И, к счастью, вижу за печкой забытую всеми луковицу. Лук! Его фитонциды — мощное оружие против инфекций.

Беру небольшой глиняный горшок. Мелко рву чабрец и шалфей, лук очищаю и режу на четвертинки. Всё это забрасываю в горшок и заливаю крепким спиртом. Жидкость сразу же мутнеет, приобретая травяной аромат с резкой луковой ноткой.

— Это волшебное зелье? — смотрит на меня во все глаза Филипп.

— Нет, сынок, — отвечаю я, помешивая смесь деревянной палочкой. — Это наука.

— Ты так изменилась, мам, — удивляются дети.

— Да не придумывайте, — пожимаю плечами. — Кстати, малышня, а как зовут тётю, у которой больной муж.

— Алевтина, — отвечает Филлип, уже не обращая внимание на потерю моей памяти.

Я оставляю горшок настаиваться в тёмном углу, зная, что даже несколько часов дадут нужный эффект. Этого должно хватить, чтобы запустить процесс борьбы с инфекцией.

Через два часа, взяв с собой глиняную бутылочку с готовой настойкой — мутной, пахнущей травой и луком, — я возвращаюсь к соседям.

Хью лежит уже не в таком жару, компрессы и полоскания сделали свое дело. Алевтина вливает в него белковую воду, и он уже не сопротивляется, а покорно глотает.

— Вот, — протягиваю я ей бутылочку. — Это настойка. Давай ему по одной ложке три раза в день. Она горькая, но она будет бороться с болезнью изнутри. Не прекращай давать ему полоскания и белковую воду.

Алевтина берет бутылочку как святыню и прижимает к себе.

— Ты где этому научилась? — шепчет удивлённо.

— Во сне увидела, — смеюсь, понимая, что скорее всего не просто так меня прислали в этот мир. Возможно, я нужна этим людям.

Глава 5

С момента моего «прибытия» в этот мир прошло три дня. Три дня, за которые я успела смириться с тем, что я — Нэнси, мать двоих детей, живущая на окраине забытого богом городка. Три дня, за которые я научилась более-менее управляться с печью, не обжигаясь и не заполняя избу дымом, и готовить простейшую еду, не вызывая у Филиппа и Лиссы приступов паники.

Утро нового дня начинается с того, что в дверь настойчиво стучится Алевтина. Открываю и вижу её сияющее лицо, а за её спиной — самого Хью, который стоит на ногах, хоть и выглядит ещё немного ослабленным.

— Нэнси! Родная! — Алевтина вваливается в избу, неся в руках огромную, заботливо укутанную в ткань плетёнку. — Смотри! Мой-то уже на ногах! В город сам сходил утром! Сказал, что сил прибавилось!

Хью застенчиво кивает мне из-за спины жены.

— Благодарю, Нэнси. Твоё… зелье помогло.

Я улыбаюсь. Приятно видеть плоды своего труда, даже такого импровизированного.

— Это не зелье, Хью, это настойка, — поправляю я его, но понимаю, что для них это не имеет значения. Главное — результат.

— Держи! — Алевтина с силой ставит плетёнку на стол и с торжествующим видом разворачивает ткань. Внутри лежит гора румяных, дымящихся пирогов с капустой и, кажется, с грибами. — Всё для тебя! В знак благодарности!

Я смотрю на эту гору выпечки, и меня обуревают смешанные чувства. С одной стороны, трогательно. С другой — я же на диете! Вернее, Дарья Михайловна всегда следила за фигурой. А тут — калорийная бомба. Не сдержавшись, я тихо смеюсь.

— Спасибо, Алевтина, это очень щедро. Но мне столько не съесть!

— Пустяки! — машет она рукой. — Дети помогут! А я побежала, дела ждут!

Она увлекает за собой мужа, оставив меня наедине с пирогами и двумя голодными взглядами моих «детей». Филипп и Лисса уже не смотрят, а впиваются глазами в румяные бока пирожков.

— Мам, а мы как раз собрались на озеро рыбу ловить! — говорит Лисса, её глаза хитро сверкают. — Пироги — отличный перекус для рыбаков!

— Да-да! — тут же подхватывает Филипп, уже хватая два пирога и засовывая один за щёку.

Я не могу сдержать смех. Их энтузиазм и находчивость заразительны.

— Ну что ж, у меня, выходит, два самых смелых добытчика в округе! — говорю я, подыгрывая им. — Тогда в путь! И да пребудет с вами рыбацкая удача!

Дети с радостными криками хватают удочки (примитивные палки с леской и крючком), ещё по пирогу каждый — про запас — и пулей вылетают за дверь. Я остаюсь одна, с оставшейся горой пирогов и с планом. Наконец-то я могу заняться тем, что запланировала — варкой мыла.

Достаю наш старый, неприглядный брусок. Да, он отмывает грязь, но после него кожа стягивается и шелушится. Пора это исправить. Вспоминаю курс органической химии. Нужно омылить жиры щёлоком. Первым делом — приготовить этот самый щёлок. Просеиваю золу из печи, заливаю её горячей водой в большом чугунке и оставляю отстаиваться. Через несколько часов аккуратно сливаю прозрачную, маслянистую на ощупь жидкость. Чтобы проверить концентрацию, капаю немного щелока на ломтик сырой картофелины. Если через минуту он не посинеет слишком сильно, а лишь слегка изменит цвет, значит, концентрация приемлемая. Мой щёлок прошел проверку.

Когда консистенция становится достаточно густой, снимаю массу с огня. Вливаю крепкий отвар ромашки — он не только для запаха, но и помогает смягчить мыло. Также добавляю мятный отвар для свежести. Тщательно вымешиваю. Аромат стоит потрясающий!

Сушёную лаванду прям в массу не добавляю — щёлок может убить её цвет. Вместо этого я растираю цветы в мелкую пудру и щедро посыпаю ею поверхность мыла, уже разлитого по деревянным формам, для красоты.

Оставляю формы в самом теплом месте — на печке, которая еще долго сохраняет жар. На следующее утро мыло уже достаточно твердое, чтобы его извлечь. Оно все еще слегка «мылится» на языке (верный признак, что процесс не до конца завершен), но уже не обжигает кожу. Еще день-два в прохладном месте — и им уже можно смело пользоваться! Результат, я уверена, того стоит...

Через пару дней, сложив мыло в корзину и взяв с собой детей, я отправляюсь на рынок. Лисса и Филипп приводят меня на моё «рабочее место» — крошечный участок земли в самом конце торгового ряда, заваленный всяким хламом. Никто сюда, по сути, не доходит. Уныло и безрадостно.

И тут во мне просыпается не только врач и химик, но и своего рода маркетолог.

— Так, — говорю сама себе, деловито поставив руки в боки. — Здесь нужна реклама.

Возвращаюсь домой. Где взять краски? Чернила — дорого. Вспоминаю, что видела на огороде у Алевтины свёклу. Несколько корнеплодов, немного воды, увариваю до густого тёмно-бордового сиропа. Это будет мой красный цвет. Уголь из печи, растёртый в пыль и смешанный с яичным белком — чёрный. Куркума, найденная в моих же запасах, разведённая в воде — жёлтый.

В качестве «холста» нахожу в сенях несколько старых, относительно гладких деревянных дощечек и пару больших, пожелтевших листов бересты. С помощью гвоздя и верёвки скрепляю дощечки вместе, получая подобие щита. Беру самую тонкую кисточку, какую могу сделать из щетины кабана и палочки, и вывожу на бересте и на щите корявыми, но понятными буквами:

Мыло «Свежесть лугов»

Не сушит кожу! Благоухает травами!

Скидка на первую покупку!

Рядом углём рисую схематичное, но узнаваемое изображение благоухающего цветка и куска мыла. Выглядит примитивно, но на фоне остальных продавцов, у которых и табличек-то нет, — это уже прорыв. Сама себе делаю мысленный комплимент:

«Даша, ты не только врач от бога, но и гений маркетинга в условиях тотального дефицита».

На следующий день мы с детьми идём на рынок с корзиной мыла и моим «рекламным щитом». Устанавливаю его на видном месте, рядом аккуратно, как драгоценности, выкладываю брусочки мыла. Аромат лаванды и мяты сразу начинает привлекать внимание.

Пока я расставляю свой товар, неподалёку, у лавки торговца тканями, поднимается шум. Женщина, лет пятидесяти, хватается за грудь и с хриплым стоном оседает на землю. Толпа шарахается в стороны, кто-то кричит: «Воды!»

Врачебный инстинкт срабатывает быстрее мысли. Я бросаюсь к ней, отталкивая застывших в нерешительности зевак.

— Посторонитесь! Ей нужен воздух!

Опускаюсь на колени. Женщина бледная, губы синюшные, хватает ртом воздух. Кладу руку на запястье — пульс частый, нитевидный. Гипертонический криз? Паническая атака? Сердечный приступ?

— У вас болит здесь? — показываю на грудину.

Она не может говорить, лишь слабо кивает, глаза полны страха.

— Всё хорошо, — говорю я твёрдым, спокойным голосом, каким говорила с пациентами в своём кабинете. — Вы в безопасности. Сейчас помогу.

Расстёгиваю ей ворот платья, чтобы облегчить дыхание. Поднимаю её ноги, подложив под них свёрток с тканями, чтобы улучшить приток крови к голове.

— Глубоко вдыхайте. Медленно. Через нос. Выдыхайте через рот. Смотрите на меня.

Я сама начинаю дышать медленно и глубоко, глядя ей в глаза, заставляя её следовать моему ритму. Через пару минут её дыхание выравнивается, цвет лица немного улучшается. Пульс под моими пальцами становится чуть реже и увереннее.

— Спасибо… — хрипит она.

— Не двигайтесь пока, — говорю я. — Кто-нибудь, принесите воды!

Когда женщине становится лучше, и её уводят под руки родственники, я возвращаюсь к своему лотку. И замираю. Вокруг него столпилась толпа. Все смотрят не на меня, а на моё мыло.

— Пахнет, как в лесу после дождя! — восхищается какая-то девушка.

— И правда, не колется, как обычное? — интересуется другая, осторожно трогая брусочек.

Мыло разлетается буквально на глазах. Моя «скидка» и броская надпись делают своё дело. Я торгую, улыбаюсь, отвечаю на вопросы, а в душе поёт маркетолог и ликует врач.

И вот, когда корзина уже почти пуста, ко мне подходит человек. Не похожий на местных ремесленников или крестьян. Одет в добротную, хоть и простую одежду из хорошего сукна, осанка прямая, взгляд оценивающий.

— Вы Нэнси? — спрашивает он.

— Да, это я, — отвечаю настороженно.

— Меня зовут Элиан, — говорит он поклонившись. — Я управляющий имением Лорда Каэлена. Его сиятельство желает вас видеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.